

Эта пустая страница добавлена для облегчения просмотра в режиме Facing Pages (разворот), который дает наиболее полное представление о том, как выглядит печатная версия.

**Владимир
Макаренко**

Три фиесты

Говорят, Фернандо Магеллан, открывший для Европы в XVI в. Филиппинские острова, воскликнул: «Если есть рай на земле, то он здесь!» Обратив большинство филиппинцев в католичество (Филиппины — единственная католическая страна в Азии) и распространив легенду об их неистребимой праздности, испанцы сами ввели здесь многочисленные *фиесты* (букв. «праздники, веселья») во славу многочисленных христианских святых. В каждом филиппинском городе, городке, деревне появились свои собственные «святые покровители».

Праздников на Филиппинах огромное количество — около 20 только официальных, государственных, а помимо этого — общенациональные, локальные или провинциальные, городские, деревенские и т.д. Праздники риса, цветов, плодов, водяных буйволов, воздушных змеев, национального блюда *лечона* — жареного поросенка, утиных яиц, фонарей, свечей, танцев, народных песен — всех не перечислить. Некоторые из праздников длятся по нескольку дней, а общее их число столь велико, что манильские школяры и студентузы еще в XIX столетии называли день между двумя праздниками мостиком, который часто явочным порядком соединял эти праздники. Тем не менее миф о праздности филиппинцев несколько раздут: на деле по-настоящему всеобщими являются лишь Рождество, Новый год, Страстная неделя перед Пасхой, Майские праздники и День всех святых. Остальные же приходятся на разные группы населения и различные регионы.

Владимир Афанасьевич
Макаренко — кандидат
исторических наук, доцент
Института стран Азии и
Африки при МГУ, член
Союза писателей России.

Местные фиесты суть единственная отдушина в унылой и однообразной жизни филиппинской провинции. Они длятся, как правило, от трех до десяти дней. Все население города или деревни готовится к ним заранее, часто спуская за несколько дней все свои накопления. При этом расходы на общественные мероприятия несут как местные власти, так и, в особенности, местные состоятельные и влиятельные люди, щегаляющие друг перед другом своей щедростью. Жилища, улицы и площади украшаются цветами, гирляндами и звездами, затейливыми деревянными или бамбуковыми арками. Шьется новая одежда, покупаются украшения. Крестьяне достают не надевавшиеся с Рождества белые рубахи и башмаки, купленные для торжественного случая, — в остальное время они ходят босиком или во «вьетнамках». В родные места стекаются многочисленные родственники, наезжает множество гостей.

В дни фиесты спозаранку, часов с пяти утра, начинают играть многочисленные оркестры, чтобы разбудить всех к ранней мессе. Музыка не стихает все дни праздника. Даже сильнейшие тропические ливни, знаменитые

филиппинские тайфуны *багьо* не в состоянии остановить буйное веселье, танцы, музыкальные концерты, костюмированные парады, религиозные шествия, театрализованные представления по мотивам библейской истории, обильные угощения и возлияния. Молодые люди распевают под гитару филиппинские и испанские серенады у домов и под балконами местных красавиц, за что их могут отнюдь не поблагодарить, а даже облить водой, если их ухаживание и исполнение пришлось не по вкусу. Особенно настырных родители девиц подчас охаживают палками. Тем не менее именно во время фиест завязываются знакомства, нередко заканчивающиеся свадьбами.

В праздничные дни проводятся местные и провинциальные конкурсы красоты, выборы «королев» и «королей» фиесты, «королей» школ, колледжей, университетов, городов и деревень, а также рекламных «мисс Мыло», «мисс Кофе» и т.п. Устраиваются гонки *карабао*, состязания воздушных змеев, петушиные бои и бои быков, спортивные соревнования, конкурсы певцов и танцоров. А как только стемнеет — а темнеет тут рано и быстро, — небо озаряют разноцветные огни фей-

ерверков, искусных и затейливых, до которых филиппинцы большие охотники. Праздничный шум не стихает до поздней ночи.

Непоколебимый оптимизм филиппинцев составляет основу национального характера. На него наложились христианские нравственные нормы и американская рекламная раскованность, давшие удивительное смешение местного дохристианского язычества, испанского католицизма и американского протестантизма, отразившееся в том числе и в организации празднеств. И хотя есть такие, кто считает фиесты стихийным или национальным бедствием, все же большинство с воодушевлением участвует в инсценировках религиозных мистерий на темы соблазнения Евы, иудинного предательства Христа, изгнания Адама и Евы из рая и других, в религиозных процессиях в честь святых покровителей городов и деревень, где право нести их изображения надо еще завоевать.

Обычно находится довольно много желающих принять участие в средневековом шествии бичующих себя кающихся грешников-флагеллянтов (в Европе они исчезли, кажется, в XV–XVI в.). Бредущие друг за другом, они как бы повторяют путь Христа на Голгофу, влача тяжелый крест. На их головах надеются настоящие терновые венцы, а специально нанятые люди (грешники им за это еще и платят!) стегают их по оголенным спинам длинными бичами, в которые часто вплетены осколки стекла. Все это происходит в наши дни вполне добровольно во время Страстной недели. На острове Мариндук и в некоторых местах на Лусоне в это же время представляется распятие Христа на огромном кресте. И нет отбоя от добровольцев. Раны на руках и

ногах истязуемых зарастают в течение месяца. Впрочем, мне довелось беседовать с одним человеком, который подвергся распятию восемь раз, и отверстия на ладонях у него уже не зарастают. На Мариндуке есть большие специалисты, умеющие изящно вгонять огромные гвозди в руки и ноги отдающихся им жертв ровно в полдень под звуки псалмов церковного хора.

Не только иностранцам, но и самим филиппинцам не дано познакомиться со всеми фиестами. Расскажем о трех из них, наиболее типичных и интересных, которые нам довелось наблюдать в Большой Маниле.

Ежегодно 9 января в Кьяпо, одном из центральных районов филиппинской столицы, на одноименной площади начинается, пожалуй, самое известное в стране религиозное шествие — процессия в честь **Черного Назарянина** или **Отца Нашего Иисуса из Назарета**. Крепкие мужчины в красных рубахах выносят из местной церкви старинную статую Иисуса Христа в полный человеческий рост, изготовленную из крепчайшего темно-красного дерева — *камагонга* с огромным крестом на плече и водружают ее на разукрашенную карнавальную повозку — *карросу*. Десятки верующих медленно влекут ее по главным улицам Кьяпо почти до самого президентского дворца, по мосту Кэсона перетягивают на противоположный левый берег реки Пасиг, рассекающей Манилу на две части...

Считается, что этот церемониал воссоздает историческую сцену следования «Павшего Назарянина» (или Назарянина) на Голгофу. В эти часы в центре города ни пройти ни проехать — такое впечатление, что сюда собралась «вся Манила» (по оценкам полицейских властей — до полутора миллионов человек!). Распорядка особого нет, приходится протискиваться сквозь источающую пот людскую массу на свой страх и риск: иностранцы во время религиозных празднеств не пользуются здесь какими-либо преимуществами. Давка жуткая, и чем ближе к повозке, тем больше. Наэлектризованная толпа волнуется, как море, колышется из стороны в сторону. Иногда возникают потасовки и даже крупные драки, нередки

несчастные случаи, могут и задавить насмерть.

В разных точках маршрута с помощью знакомых мне удалось подобраться к карросе, но, честно говоря, не слишком близко: провожатые не захотели рисковать. По существу поверью, тому, кто помогает везти выкрашенную золотой краской повозку, прикасается к ней или даже к опутывающим ее канатам, на весь предстоящий год обеспечивается удача, ему не грозит несчастье. При этом лучше дотрагиваться платком или полотенцем, которыми затем обтереть тело.

Бывает, говорят, что статуя великого Пророка из Назарета падает. И в этом, как и в степени экзальтированности следующей за ним многотысячной толпы, в состоянии погоды или настрое сопровождающей процессию музыки многочисленных оркестров видят определенное предзнаменование, толкуемое весьма произвольно каждым из участников и зрителей. Истинно верующие стремятся если уж не дотронуться до священного деревянного изваяния неизвестного скульптора, то хотя бы рассмотреть получше его лик: если он светлее обычного, то год ожидается благополучным и удачным для всех и каждого, если же темнее, то жди беды. Определяет это тоже каждый сам для себя... Кстати, ни у карросы, ни поблизости нам ни удалось разглядеть ни одного священника.

Святая вера, вероятно, хранила в опасном рейсе команду испанского галеона, пла-

вавшего раз в году из Акапулько в Манилу и обратно в 1593–1815 гг. И моряки, возможно, распространили легенду о силе и всемогуществе этой статуи, изготовленной лет 250 тому назад скорее всего в Мексике, через которую тогда Филиппины поддерживали связь с испанской метрополией. Как целый ряд других католических святынь филиппинцев, статуя Иисуса Христа была привезена на одном из галеонов. И потому лик Спасителя обладает явно латиноамериканскими чертами. Долгие годы это была, так сказать, рядовая святыня местной церкви, но по мере того как с 20-х гг. XX в. Кьяпо превращался в один из главных торговых центров столицы, возрастала и религиозная значимость Черного Назарейнина в жизни народа. Менее чем за сто лет развился новый христианский культ, пусть региональный, филиппинский, но со своим строгим ритуалом, преданными почитателями, искренними приверженцами.

Точное происхождение и значение этого культа не очень известно. Наиболее распространена следующая версия. Во времена одной из фиест приходской священник знаменитой ныне церкви в Кьяпо куда-то очень спешил и потому распорядился сократить обычную январскую процессию и побыстрее возратить статую на место. Но тут разразилась сильнейшая гроза с ливнем, громом и молнией. Участвовавшие в празднестве прихожане, ясное дело, усмотрели в этом гнев Всевышнего и, ослушавшись земного исполнителя его воли, покатали статую, как де-

лали это каждый год, только им пришлось снять обувь (конечно, у кого таковая имела)...

С тех пор каждый год 9 января филиппинцы, которые переносят Черного Назарейнина на карросу и тащат ее на веревках по традиционному маршруту к часовне в Пако в Эрмите, должны быть босиком с закатанными до колен штанами и с полотенцами на шее. Этому обычаю следуют и многие другие участники процессии. Потом самые набожные почитатели обзавелись свободными длиннополыми одеяниями алого цвета — у женщин с белой оторочкой или кружевами вокруг шеи, нередко сочетающимися с «терновым венцом» из местных колючек или букетиком белого филиппинского жасмина — *сампагиты*.

В январе тьма накрывает Манилу быстро, часу в шестом, и над процессией вспыхивают мириады огоньков. Это длинные свечи с круглыми или квадратными подставками для сбора стекающего воска. К полуночи Черный Назарейнин возвращается в свое постоянное жилище на углу бульвара Кэсона и Пласа Миранда.

Культ Черного Назарейнина, как и многие иные на Филиппинских островах, свидетельствует о тесной связи, взаимовлиянии и даже тесном переплетении христианства и язычества, которое не исчезло во все, а лишь видоизменилось, приспособившись к новым обстоятельствам после почти поголовного крещения островитян в XVI–XVII вв. Римско-католической церкви здесь противостоит довольно влиятельная независимая филиппинско-католическая церковь, или аглипаянская, по имени основавшего ее в начале XX в. католического священника и капеллана филиппинской революционной армии Григио Аглипая-и-Лабаяна (1860–1940). Националистическая по своей идеологии, она отложила от Ватикана, не признает исповеди и целибата. Культ Черного Назарейнина скорее всего обязан своим стремительным распространением возрождению древнефилиппинских языческих культов и появлению в 20–30-е гг. XX столетия филиппинского неоязычества.

С некоторых пор День Черного Назарейнина стал повторяться и в пасхальный понедельник, а 11–12 мая этот праздник отмечает манильско-китайское католическое сообщество, благо Чайна-таун в Бинондо соседствует с Кьяпо. К ним часто присоединяются и их собратья в Южном Лусоне. Китайцы уповают в основном на чудесные способности старой статуи дарить процветание и деловой, коммерческий успех.

Третья неделя января посвящена празднику **Ати-Атихан** (по-филиппински букв. «похожий на ати»), одному из самых красочных и известных в основном на Бисаях, в городке Калибо на о. Панай в центре небольшой провинции Аклан. Праздник этот вроде бы историко-этнический, относящийся к филиппинским аборигенам *аэ-та* (*ати, ита*), давно уже изгнанным с равнин в горные неудобья на островах архипелага. Разворачивающееся театрализованное действие отражает реальные исторические события. В XIII в. малайские князья-*дату* с Калимантана (Борнео) купили у малорослых негритосов-австралоидов принадлежавшие им на равнине плодородные земли. Они презентовали вождю ати Марикудо шлем и обоюдоострый кинжал-крис с волнистым лезвием из золота, а его миниатюрной супруге — драгоценное ожерелье, с условием, что ати переселятся в горы. В историю эта сделка вошла под названием «покупка или обмен Паная».

Однако вскоре между аборигенами и новопоселенцами возникла вражда. Тогда один дату, вероятно, самый мудрый, пригласил вождя и старейшин ати спуститься с гор в Калибо для мирных переговоров. Он встретил их с почетом, напоил и угостил на славу, достойно одарил. А потом они заключили «пакт мира и дружбы», скрепив его, как положено, кровью. Всю ночь пили и веселились, а под утро аборигены в полном боевом вооружении торжественным маршем возвратились в горы. С тех пор такие дружеские встречи сделались традиционными в начале каждого нового года, что и знаменует этот праздник. Мирные беседы и дружба отринули вражду и войны, страх и ненависть.

Праздник этот благополучно здравствует вот уже восьмое столетие, хотя самих аэ-ати уже почти не осталось, и распространился и на другие острова Филиппинского архипелага. На Панае он слился также с праздником благодарения за удачный урожай. Филиппинские «ряженые», в основном мальчишки и молодые люди, дочерна натерев золотой лица и руки, в причудливых набедренных повязках из соломы и в смешных головных уборах из перьев и океанских ракушек проходят цепочкой по городу церемониальным шагом, высоко задирая ноги и потрясая копьями, поют песни аборигенов, кричат и свистят, сверкая подведенными белой краской глазами, танцуют шуточную пляску «ати», вовлекая в нее многочисленных зрителей из числа местных жителей и гостей.

В Калибо праздник продолжается несколько дней и ночей, тем более, что здесь он совпадает и с христианской фиестой в честь его святого покровителя — Санто-Ниньо, или Иисуса-младенца. И тут филиппинцы одновременно и добрые правоверные католики, и застарелые язычники. Прежде провинциальный, местный, этот праздник ныне хорошо известен на соседних островах Бисайского архипелага и на Лусоне. Зрителей особенно привлекает его живописная, карнавальная сторона. Его разыгрывают даже в Маниле, где мне довелось его посмотреть и даже частично принять в нем участие.

Праздник **Тадтарин** (или **Таттарин**) в самой середине лета — один из самых оригинальных, интересных и загадочных на Филиппинах — несет в себе, без сомнения, следы здешнего матриархального прошлого. Он начинается

21–22 июня, в дни летнего солнцестояния, и длится три дня. Снобы именуют этот подлинно народный праздник «сельскими развлечениями» или еще обиднее — «радостью черни». Действительно, в этом раскрепощенном и исключительно ярком празднестве проступают некие языческие черты, как в православной Масленице (масляной неделе) или в современных праздниках филиппинских горцев-язычников на севере Лусона в честь их божеств обильного урожая и дождя.

Праздник Тадтарин, одной из древнефилиппинских богинь, покровительницы женщин-матерей, почти совсем забылся к XVII столетию, когда колониальная администрация и монахи с особенным старанием искореняли все языческое. Но уже в середине следующего века, поначалу тайно, началось его возрождение на новой, христианской основе, поскольку третий, последний его день совпал с праздником св. Иоанна Крестителя. Иоанн Креститель, или Предтеча, как известно, провозгласил приход мессии и совершил обряд крещения Иисуса Христа в реке Иордан.

Филиппинки, покладистые и терпеливые, внешне тихие и покорные, имеют немного времени для развлечений, как только выходят замуж. Но в эти три дня раз в году они позволяют себе, как теперь у нас говорится, «расслабиться», «оторваться». Это подлинно филиппинский женский праздник, не включаемый ни в один из официальных праздничных реестров до настоящего времени.

Во время праздника, возродившегося понастоящему, как считается, в манильском районе Пако в первой половине XIX в., символически воспроизводится в самостоятельном исполнении вся жизнь богини Тадтарин в основных ее циклах — с детства до старости.

Поэтому разыгрывается это воссоздание божественной жизни три дня, вернее, трое суток, почти без остановок, без перерыва — меняются только главные исполнители. В первую ночь и в предрассветные сумерки роль Тадтарин вдохновенно играет маленькая хорошенькая девочка, которой очень льстит всеобщее внимание (филиппинские дети вообще безумно любят выступать, петь, читать стихи). Во вторую ночь, утром и до полудня Тадтарин изображает зрелая женщина, как правило, с весьма внушительными формами, а на третьи сутки — хилая старуха, умирающая и воскресающая вновь, для новой жизни. Как рассказывают очевидцы, самое яркое впечатление от представления можно получить ныне в городке Сан-Хуан в провинции Рисаль, что по соседству с Манилой (ныне в составе Большой Манилы).

Лунной ночью начинается фиеста в честь богини плодородия. Женщины окружают маленькую девочку и славят Тадтарин, распевая старинные песни и исполняя периодически одноименный церемонный круговой танец «тадтарин». С наступлением рассвета число участниц значительно увеличивается, нарастает шум, появляются зрители. Как только начинает припекать солнце, процессии сворачивают в сады и рощи, выплескиваются на поля. Участники и зрители поливают друг друга водой из колодцев, рек, ручьев и канав. Буйство усиливается. Мужчины предпочитают держаться в стороне. Женщинам же позволено все, иначе не вырастет рис, не вызреют фрукты и овощи, высохнут реки, передохнет скотина.

На второй день картина резко меняется. Впереди женских толп по улицам и пыльным сельским дорогам следуют небольшой стайкой обнаженные по пояс молодые люди.

Они несут большие изображения Иоанна Предтечи в виде прекрасного белокурого мужчины. Традиционно считается, что грозный иудейский пустынный был темноволос и не слишком хорош собой, но женщины хотят видеть его красивым и сильным. За юношами сквозь сплошной коридор любопытствующих, главным образом мужчин, валит толпа разгоряченных поклонниц святого, пляшущих и визжащих, орущих и поющих. Шум стоит такой, что со страху начинают реветь домашние животные. Мужчины оглядывают проходящих женщин откровенно сладострастно, особенно когда мелькнет обнаженная грудь, но тем не менее называют их между собой шлюхами. Однако на мужчин никто не обращает внимания. Они сегодня никому не нужны, эти беснующиеся самцы, распаленные зрелищем и горячим солнцем.

Пожалуй, нет такой филиппинской женщины, которая бы открыто или тайком от мужа, детей и родственников, не хотела принять хотя бы непродолжительное участие в празднике. Одевшись поплотше, иногда под вуалью, они присоединяются к той или иной процессии. Маленькие девочки с мамами, подростки, взрослые девушки, уже мечтающие о собственной семье, молодые дамы, солидные матроны, матери больших семейств, пожилые и совсем старые — женщины всех возрастов, сословий, религиозных убеждений и политических пристрастий, доктора наук и полуграмотные крестьянки — все равны в буйствах этих дней, все на равных участвуют в испуганном веселье. Кричат, визжат, поют, пляшут, нелепо размахивая руками, выдвигают дикие па, высоко вздымая широкие юбки и распустив волосы. Празднество

достигает пика, когда отдельные участницы впадают в состояние транса. Над толпой витает стойкий запах пота и дезодорантов.

На третью ночь все идут смотреть на Тадтарин-старушку, седую женщину с жезлом в одной руке и пучком рисовых побегов в другой, торжественно, с большим достоинством шествующую среди орущих и беснующихся спутниц с полубезумными взглядами и распущенными волосами, украшенными белыми цветами сампагиты и закутанными в черные шали. На площади перед церковью не протолкнуться: все хотят получше рассмотреть самое главное — умирание и воскрешение Тадтарин. За ней маленькие девочки в скромных нарядах несут небольшое деревянное изваяние Иоанна Крестителя — примитивно-грубое с несоразмерно большой головой и маленьким телом. Он воспринимается как злая пародия, язвительная карикатура, саркастическая насмешка над всем родом мужским. Святой выглядит беспомощно и жалко среди своих истерически визжащих почитательниц. Некоторые полагают, что в этом сюжете отразился исторический факт издевательств над Иоанном в темнице за его обличения царя Ирода Антипы и его жены Иродиады, предшествовавших усекновению главы Крестителя по наущению их дочери Саломеи, не сумевшей соблазнить Иоанна своей эротической пляской.

Посреди площади старая Тадтарин картинно слабеет, роняет голову на грудь и медленно опускается на колени. Ее укладывают на циновку и покрывают саваном вместе с жезлом и ростками риса. Все отступают на несколько шагов, оставляя «усопшую» в образовавшемся круге. Накрыв головы шальями, женщины мерно раскачиваются и начи-

нают поодиночке голосить, как бы отпевая старуху. Постепенно отдельные голоса, нестройные завывания сливаются в мощный всеобщий хор, похожий на какой-то нечеловеческий рев. Когда луна поднимается достаточно высоко, причитания разом стихают. К Тадтарин приближается одна из маленьких девочек и откидывает саван. Седая старушка открывает глаза, как бы пробуждаясь, и медленно садится, не сводя взгляда с лунного диска. Потом встает и простирает руки к небу, словно предлагая свой жезл и пучок рисовых отростков луне. Тут, едва не сметая богиню, толпа женщин, скинув в одно мгновение траурные шали, снова пускается в дикий пляс. Площадь вновь наполняется радостным смехом, визгом, криками, песнями. «Девочки вырываются из рук родителей, жены из рук мужей, чтобы присоединиться к вакханалии», — говорится в рассказе ведущего филиппинского прозаика Ника Хоакина «Летнее солнцестояние», прекрасно описавшего эту часть праздника.

Затем, уже ближе к рассвету, поток устремляется в церковь к ранней мессе в день св. Иоанна

Крестителя — это, по существу, завершение праздника Тадтарин. Толчея невероятная, и не дай бог попасть в толпу неразумному мужчине: заплюют, зациплют, вырвут последние волосы. Мужчинам разрешается участвовать в некоторых ритуалах праздника Тадтарин только в том случае, если на них будет что-нибудь из женской одежды — шаль, платок, на худой конец, чулок на руке или вокруг шеи. Таким образом достигается определенное унижение филиппинских мужчин, пусть один раз в году.

В языческой первооснове праздника Тадтарин, таинственного и священного, дошедшего до сегодняшнего дня с незапамятных

времен, лежит древнефилиппинский миф о лунном происхождении женщины и солнечном — мужчины, о появлении Луны прежде Солнца, женщин прежде мужчин и, соответственно, жриц-плясуний *байлан* прежде жрецов на Филиппинских островах, когда они еще именовались древними китайцами Майи, а Птолемеем — Маниола. Женщины здесь были тогда хозяйками положения, владычицами, мужчины молились на них, но и в дальнейшем они занимали гораздо более свободное и независимое положение в обществе, нежели многие другие их азиатские сестры.

Филиппинки, согласно мифу, подчинялись, как приливы и отливы океана, только Луне, вызывавшей у них даже первую женскую кровь. Христианскую сторону этого праздника связывают не только с Иоанном Предтечей, но и с Марией Магдалиной, отождествляемой с евангельской блудницей, чья «страсть галлюцинирующей женщины дала миру воскресшего Бога», как писал в своей книге «Жизнь Иисуса» Эрнест Ренан.

Наиболее активные участницы фиесты в честь Тадтарин отходят от празднич-

ного состояния далеко не сразу, продолжая и дома стонать и вопить, стаскивать с себя одежду, безумно хохотать. Обычно скромные и благонравные, они не стесняются наготы, требуют от мужчин всяческих знаков обожания. Мужья в эти часы становятся смиренными, как ягнята, исполняют все их приказы — поцеловать ногу, туфлю и т.п. Один из хоакиновских персонажей в такой миг говорит: «Сейчас она не моя жена. Она жена реки, крокодила, она жена месяца». Для мужей они, женщины, становятся Тадтарин. А хороший филиппинский супруг всегда полагается на порядочность своей жены. В эти мгновения он ее раб, ее пес...

Фото
Елизаветы Сумленовой